

18+

МАРИСУ СМАЙЛ

СТРАСТИ АФРИКАНСКИЕ...
И ВСЯКИЕ ДРУГИЕ...РАЗНЫЕ

МАРИСУ СМАЙЛ

**Страсти африканские...
и всякие другие... разные**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

СМАЙЛ М.

Страсти африканские... и всякие другие... разные /
М. СМАЙЛ — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Маленьким девочкам читают на ночь сказки - будь прекрасной и встретишь принца. К дочуркам на улице обращаются не иначе, как: «Моя принцесса! Моя красавица!». И каждое маленькое сердечко верит: придет тот день, когда появится он – сильный, красивый, богатый и, конечно же, щедрый! И будет исполнять все-все желания! Потому что она – принцесса! А принцессам положено жить в особняках, кататься на дорогих машинах, носить наряды... и повелевать, повелевать, повелевать! Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Оксане пришлось почувствовать это на себе. Но никакие перипетии судьбы не заставят ее отказаться от достижения цели!

Содержание

Пролог	5
Страсть первая (станичная)	7
Страсть вторая (также станичная)	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Пролог

Она родилась в станице в семье самых обычных сельхоз тружеников. Детство прошло спокойно и радостно, как у всех. Садик, школа и класса до третьего, она была вполне счастлива: родители, две сестры, любящие бабушки и один дедушка. Но вокруг бушевало время перемен – бешенные девяностые годы одних поднимали до высот, другие по полгода не получали зарплату и выживали, как могли. Расслоение общества, нервозность, социальные качели, агрессивная пропаганда ценностей золотого тельца и насилия, навязанная из-за океана, дяденьками и тетеньками, старавшимися всеми силами, развалились Советский Союз и все социалистические завоевания, в виде хорошего образования, здравоохранения, культуры, стабильности (как тогда выражались: уверенности в завтрашнем дне), – все это не могло не повлиять на население. Даже дети ощущали нерв времени, носившийся в воздухе. Впрочем, голодать семье не пришлось: выручало домашнее хозяйство, и дремавшая доселе, предпринимательская жилка отца: воспользовавшись моментом, он отжал у родного колхоза гектары земли, скупил по дешевке сельхозтехнику, нанял за копейки менее предприимчивых земляков и создал кооператив. Грохотали выстрелы в прежде тихой станице, старшекласницы стали мечтать о карьере модели и денежных папиках. Телевизор был проводником растления малых и старых. Сытая и размеренная жизнь советского времени стала казаться тусклой и скучной.

И вот тут-то Оксана поняла, как несправедливо обошлась с ней судьба: рождена в станице, а не в столице, отец – предприниматель, но не олигарх. И почему, каким-то страшным телкам повезло неизмеримо больше: отцы или деды – депутаты, министры, медиа магнаты, актеры, на худой конец?! А что у нее? Ну, личико с довольно правильными чертами лица, а рост неподходящий для модели – всего 160 сантиметров, да, и честно говоря, ноги кривоваты, осиной талии не наблюдается, как ни втягивай живот, и грудь не тянет даже на второй размер. Она так и сяк вертелась перед зеркалом, улыбаясь сама себе, но отражение было упрямо: карие очи, темные брови, густые темные волосы, белая кожа, ровный носик, гармоничное сочетание черт лица – ранее она бы считалась красавицей! Но теперь требования, навязанные телевизионной культурой, были совершенно иными: будь ты сколько угодно страшной на лицо, но если у тебя рост, бюст и ноги от ушей – то тебя мать-природа одарила, как следует. – Тебе и прямая дорога на конкурсы, к денежным круглым кошелечкам в годах на коротких ножках, и даже на телеэкран!

Но она хорошо училась в школе и помнила крылатую фразу: «Нельзя ждать милостей от природы, взять их...», – ну, и так далее. – Оксана вдохновилась задачей. Она и раньше, как выражалась мать: «Мотала нервы из-за тряпок», – теперь же ее требования вывели из себя даже отца (которого Оксана, положив руку на сердце, предпочитала не сердить). Князь Игорь (как любил называть себя отец) вспылал не на шутку: «Сколько, говоришь, стоят твои джинсы? Ого, неплохо! Слушай, а не заработать ли тебе? Что-то я забыл, когда ты и твои сестры помогали матери. И не надо врать! Вы думаете, что если я на работе, то не вижу, чем вы заняты? Вы совсем обнаглели!» – продолжал гроыхать он, – «Так что теперь, мои милые, захотите обновку, поработайте. Выделю каждой по грядке и лично стану проверять. И не вздумайте свалить все на мать, она вас и так покрывает постоянно. Я знаю все, что происходит в доме. Воспитала дармоедок!» – это уже несло в адрес жены. (Светлана у него всегда и во всем была виновата, а в основном в том, что так и не родила ему сына). Но постепенно гардероб Оксаны стал соответствовать ее понятию (в основном, телевизионному) о гламуре. Были наращены ногти, осветлены волосы, сделаны брови. «Хорошо бы, увеличить грудь», – думала девушка, – «но отец никогда не согласится и денег на пластику не даст. Надо ждать совершеннолетия». Пришлось располагать теми ресурсами, которые ей отпустила природа. В процессе тюнинга, Оксана думала о том, на кого бы первого обрушить всю эту неземную красоту. Парни

крутились вокруг нее, подтверждая силу ее нового образа и умения кокетничать, однако, это все была мелкая рыбешка – не ее масштаб. По масштабу на роль достойных подходили только двое: сын главы местного поселения Богдан и сын владельца сети магазинов, торгующих обувью и одеждой не только в их станице, но и в соседних. – Его звали Кириллом. Она долго колебалась, советовалась с подружкой, но та только закатывала глаза при имени Богдан, а потом завистливо разглядывала покупки и ногти Оксаны. Совет пришел с неожиданной стороны. Его бросила, проходя мимо и не особо вникая в суть дилеммы Нинка, средняя сестра: «Что ты паришься? Зачем терять время на одного, попробуй с обоими, а там, как поперет». – Грубо, но... мудро, как ни крути. (Забегая вперед, скажу, что этой мудростью Оксана впоследствии пользовалась достаточно часто, если не сказать, что постоянно).

Страсть первая (станичная)

Единственный ночной клуб работал на износ. Станица гордилась: не каждая могла похвастаться собственным ночным клубом. Ди-джей наезжал из города и так же был достопримечательностью. Бармен был местным, но крутил бутылками не хуже городского. Правда, когда из близлежащих станиц прибывала под вечер молодежь, становилось тесновато, и не обходилось без столкновений между своими и заезжими, но и в этом была своя соль, свои традиции. Кстати, местных возглавлял Богдан. Заезжие, хоть и огрызались, но признавали его авторитет, т.к. благодаря отцу, его и станичных практически никогда не увозили в местное отделение милиции. А вот парням из соседних станиц, после жарких разборок случалось ночевать в кутузке. Богдан был колоритен. Короткая прическа, накаченный, в спортивном костюме Адидас и белых кожаных кроссовках той же фирмы. Он не отличался высоким ростом, коренастый от природы, а фитнес-клуб и витамины довершили рост мышц, – темноволосый, черноглазый, уверенный в себе, даже развязный, при деньгах, – да, о таком мечтали многие девчонки. Но Оксану конкуренция только подогривала – она должна была добиться его! Причем, в клуб она отправилась только тогда, когда умудрилась быть приглашенной ... Кириллом. Девушка не собиралась прятать своих потенциальных избранников, наоборот, она хотела быть с ними двумя одновременно. И ее расчет сработал! Парни соперничали давно и не только в ее сердце. Кирилл не обладал брутальностью сына главы поселения. Однако, и он был хорош: высокий, гибкий, синеглазый, студент первого курса престижного краснодарского университета, обладатель тойоты и волейбольных наград, – да, это был достойный соперник!

Во время танцев, извиваясь напротив парня, девушка нет-нет, да посылала томные взгляды Богдану. А так как тот не упускал из вида Кирилла, как бык никогда не упускает из вида другого быка, каким бы большим не было стадо; то и Оксана автоматически попадала в поле его зрения. Через некоторое время она почувствовала, что его взгляды делаются все более настойчивыми, по мере убывания трезвости. И тут природная смекалка ей не изменила: пора было сматываться. Сославшись на приказ отца быть дома не позже двенадцати, она попросила Кирилла подвезти ее домой.

Дело было в шляпе: уже через два дня, выходя из местного бутика, Оксана столкнулась с Богданом.

- Привет!
- Привет, Оксана!
- Что, тоже за покупками?
- Нет, тебя встречаю.

У старшеклассницы упало сердце. Потом они брели по мокрой улице, Богдан нес Оксанкину сумку, говорил о чем-то, блестя белыми зубами, а девушка почти не разбирала слов. В мозгу билось: «Надо же, получилось, получилось!». Очнулась она от вопроса:

- Ну что, пойдём сегодня в клуб? Развлечемся.
- Ой, не знаю.
- Что, Кирюшка запрещает?
- Да, причём тут он? Отец голову оторвет, если без разрешения уйду.
- Да, дядя Игорь крут, я слышал. Так, спроси разрешения у него.
- Все равно, не пустит, – вздохнула Оксанка. Говорит, одиннадцатый класс, готовиться к экзаменам надо.

– Ну, нет, так нет.

– Слушай, – испугалась Оксана быстрого отступления ухажера, – а может, он меня в кино отпустит?

– Ну, давай, ходим в кино, – сказал Богдан, дотрагиваясь до непокрытых волос девушки. И сердце Оксаны упало во второй раз.

Богдан взял билет и, конечно же, на последний ряд – их уже воспитывала телевизионная реклама. Не успели погасить свет, как Богдан ринулся в атаку. Впрочем, со всех сторон слышались отказы, женский шепот: «Ну, куда ты полез?», – чмокающие звуки, постанывания особо страстных пар. У Оксаны кружилась голова, она едва понимала, что происходит. Вот уже руки Богдана хозяйничали вовсю за пазухой, а одна из них, по-хозяйски, задирает куртку и пыталась расстегнуть пуговицу на джинсах. Джинсы на Оксане сидели плотно и, похоже, именно это спасло их хозяйку от более острых ощущений.

Усилием воли Оксана вырвала себя из плотного, лишаящего рассудка тумана, вытащила руку Богдана из-под куртки, избавилась от другой – из-за пазухи, поправила волосы. «Ишь, чего захотел!», – прошептала она довольно громко парню.

– Конечно, – настаивал тот. – Ты – такая красивая! – хрипло понес он привычное, – Как же мне не хотеть?

И он снова принялся ее целовать. «Как хорошо, что я надела джинсы!», – пронеслось в затуманенной Оксаниной голове. Несколько раз, Богдан предлагал девушке уйти с фильма, но она отрицательно качала головой, и они продолжали горячо целоваться. Честно говоря, девушка уже пришла в себя, напряженное тело выдавало парня, и она всерьез опасалась покидать кинозал. У нее созрел план: надо дождаться окончания сеанса, и когда они будут продвигаться к выходу, найти кого-нибудь из знакомых. Во-первых, она сразит наповал девчонок тем, что была приглашена Богданом на сеанс, а во-вторых, обезопасит себя от настойчивости парня.

Неожиданно Богдан сказал, что ему надо выйти. «Мало ли что?» – подумала девушка, глядя в спину, пробирающемуся мимо чужих ног Богдану, и попыталась вникнуть в то, что происходит на экране. Сюжет Терминатора поглотил ее, но скоро смутное беспокойство зашелевилось в душе – парень не возвращался. Наконец, зажегся свет, обнажив почти опустевший последний ряд кинозала. Оказывается, многие парочки уже растворились в плотной темноте зимнего вечера. Оксана побрела к выходу в одиночестве. Она уже направлялась к дому, когда возле тротуара притормозила вишневая девятка. С заднего сиденья выглянул Богдан: «Садись, подвезем!». Польщенная девушка шагнула к открытой двери. Дальнейшее было так далеко от ожидаемого, просто сплошная гадость: обочина дороги, курящий неподалеку Витек – хозяин машины; мокрые губы, дыхание со спиртными испарениями, пыхтение, сопение, тяжелое навалившееся тело, сдираемые джинсы (не спасли и они!), раздвигаемые острой коленкой ноги, больное и горячее проникновение, судорожные мерзкие движения... Не успел отвалиться Богдан, не успела она, раздавленная физически и морально, найти белье, как дверь распахнулась, обдав холодным влажным воздухом и зажужжал палороид. Ничего не понимая, Оксана попыталась прикрыться, но Богдан схватил ее одежду и кричал: «Давай, Витек! Что там случилось? Ух, ты! И задница видна! Класс! Такой у нас еще не было!». Оксана дрожащими руками натягивала одежду и, разревевшись, пулей вылетела из машины. Она долго еще рыдала, не в силах приблизиться к родительскому дому. Наконец, представив гнев отца, заставила себя успокоиться, кое-как в свете фонаря привела в порядок лицо, усердно оттирая следы размазанной туши и помады, причесалась и с трепетом, переступила порог дома. На ее счастье, отца не было, ушел к соседу играть в карты, сестры уже легли спать, мать привычно гремела на кухне: «Оксанка, ужинать будешь?». «Нет, мама, я не голодна!», – ответила она матери и устремилась в свою комнату.

Ночью она металась в кровати. «Может, заявить в милицию об изнасиловании?», – вились беспокойные мысли. Но вспомнив об огласке, о грозном взгляде отца, слезах матери и о позоре сестрам, отменяла эту мысль. Богдана-то отец отмажет. А ей и ее семье в станице

проходу не будет от сплетен. И замуж никто не возьмет, – тяжелый вздох вырвался из груди. «Или сказать ему, что заявлю? И пусть женится!» – эта мысль сначала успокоила и даже разве-селила ее. Но позже стали одолевать гнетущие сомнения: «Нет, не женится. И потом у него моя фотография. «В коллекцию», – как он выразился». Оксанка содрогнулась. Про специфическое сборище фото обнаженных девушек – «коллекцию» ходили слухи по всей станице. Парни мечтали поглядеть на нее, но Богдан допускал только избранных, умеющих держать рот на замке. Как-никак основу фототеки составляли несовершеннолетние, а это могло грозить ему реальным сроком. Поэтому, он предпочитал шантаж попавших в коллекцию девушек реальному их позору. Девушки отныне были у него на крючке, выполняли роль секс-рабынь, являясь по первому зову Богдана, убажывая его и нужных ему людей. Можно сказать, что Богдан и его друзья были основателями первого в округе подпольного борделя. Но Оксана еще не знала об уготовленной ей участи. Сейчас ее терзало только желание помыться и застирать следы грехопадения. Наконец, мать затихла в спальне, и Оксана пробралась в туалетную комнату.

В школе девушка была необычайно тиха и задумчива. На переменах она даже не задирала безответную Катюку – предмет ее постоянных насмешек. Вздрогнула от вопроса Виолетки: «Эй, что с тобой? Сидишь, как воды в рот набрала? И не накрашена, кажись. Ты не заболела?»

– Отец косметику забрал.

– Не журишь, подруга! Хочешь, бери мою.

– Давай!

«Что это я, в самом деле? Надо собраться! Никто ничего не должен заподозрить!». А Виолетта не отставала:

– Говорят, ты вчера с Богданом в кино была?

– Да, – небрежно ответила Оксана, – напряженно глядя в зеркало, подводя второй глаз.

– Ты поосторожней с ним, подруга. Говорят, он девчонок сразу в койку тащит.

– Нет, мы только целовались.

– И как он целуется? – заинтересовалась Виолетта, не сводя ревнивого взгляда с Оксаны.

– Ничего так, – протянула подруга и соперница.

Наконец, процесс обновления был закончен, и в зеркале отразилась обычная улыбка.

– Ну вот, – сказала Виолетта, – на человека стала похожа.

– Спасибо, подруга, – Оксана протянула косметичку владелице.

И уроки потекли, как обычно.

Но дни уже прежними не стали. Не успела она выйти из здания школы, как к ней подбежал шестиклассник Колька и передал записку без подписи: «Жду тебя с черного входа столовой». Оксана сразу догадалась от кого была записка. «Может, решил извиниться?» – заколебалась она, но решила не ходить все равно. – «Чем буду неприступней я, тем он скорее поймет, что я ему не просто какая-то там». Но не успела она завернуть за угол, как притормозила знакомая девятка, и в приоткрытом окне показался Витька с полароидовским снимком в руке. Не помня себя, Оксана скользнула на заднее сиденье, но Богдана там не оказалось. Он ждал ее в подвале с торца столовой. Там было оборудовано несколько комнат за железной дверью: столы, кресла, диваны.

Богдан сидел в кресле, а на диване развалились Сашок и Димон.

– Вот, привел, – сказал Витька, подталкивая одеревеневшую Оксану к креслу, – идти не хотела.

– А что ж, не хотела? – спросил Богдан. – Пипи еще болит? – под дружный хохот парней спросил он. – Да, ты не бойся, твою пипи я сегодня не трону. Другие способы есть, – под еще более дружное гоготание парней заключил он.

Парни стали покидать комнату, все еще оглядываясь на Оксану. Той хотелось всеми силами души прекратить этот кошмар, очнуться, проснуться, исчезнуть! Но это была, к сожалению, реальность.

– Ну, подойди, подойди поближе, моя рыбка! Порадуй меня, – он стал расстегивать и спускать штаны. Оксана хотела отвернуться. Но его окрик привел ее в чувство:

– Будешь ломаться, позову остальных. У Димона давно на тебя стоит, и остальные не откажутся. Ну что, будешь послушной? Давай, это нестрашно...и не больно. Ну, давай же! Открывай ротик. Ох, какая ласковая. Давай, ух, давай, давай...

Кошмар продолжался. Наконец, он начал стонать, а Оксану вырвало.

– Куда, дура, на ковер-то! Давай, убирай.

Оксана трясущимися руками стала затирать тряпкой прозрачную вонючую слизь какой-то тряпкой. Перед глазами все плыло.

В соседней комнате Богдан огрызался:

– Не, Димон, во всяком случае, не сейчас. Самому нужна. Ничего такая, свеженькая. Другую тебе найдем. Отвези-ка, Витка, ее домой.

Не поднимая глаз, Оксана прошла мимо изучающих ее парней, вышла из подвала, повалилась на заднее сиденье рядом со школьной сумкой. В молчании доехали до дома.

Прошел месяц. Каждый день после школы после получения записки она бежала, но теперь уже не в подвальные комнаты мини-борделя, а в садовый дом Богдана. Чем-то она зацепила этого развратного циника. Уже на третьей встрече он протянул ей таблетки:

– Будешь пить по инструкции, чтобы залета не было.

Сначала ее мучило то ли от лекарств, то ли от всего, что теперь происходило в ее жизни. Дома ни о чем не догадывались и, слава Богу! Но вскоре, она окрепла, привыкла и даже стала находить некоторый интерес в ситуации: она встречается и встречается тайно с самим Богданом! Если бы девчонки узнали, лопнули бы от зависти, но она крепко держала язык за зубами. Правда, несколько смущало то, что у Богдана были ее фотографии, и он мог бы принудить, как других работать на него, встречаясь с толстыми, старыми дядьками. Теперь она знала все о его бизнесе, также видела тайную фототеку. Там было полстаницы и знакомые девчонки из соседних станиц. Подрастали новые девушки, приходили в клуб, знакомились с Богданом или с его подельниками, а дальше – фотографии; и девчонки, не смея отстаивать свои права, не думая о своей судьбе, опасались только одного, чтобы никто не узнал об их позоре. Несколько из них покончили с собой, напившись снотворного. Но в своем большинстве, они были легкой и безропотной добычей.

Как-то Богдан предложил ей вина, но она отказалась:

– Что ты, если отец учует, не сносить мне головы!

– Тогда попробуй это, – и он протянул ей зажженную самокрутку.

– Что это?

– А ты попробуй.

Оксана осторожно втянула в себя пахучий дым. Сначала она ничего не почувствовала, а потом ей стало весело-весело. Она хихикала и снова потянулась к самокрутке.

– Э-ээ, хватит тебе на первый раз!

В этот раз секс был, как никогда острым. Вообще, она неожиданно для себя стала находить в нем чувственную радость. Богдан был приятно удивлен.

– Ух, ты, горячая моя! С тобой, прям, за силы свои опасуюсь!

– А ты не опасайся! – смеялась Оксана – Если что, помогу!

– Да ты, и вправду мастерицей становишься!

– А то!

– А хочешь фильм один интересный посмотреть? «Счастливые трусов не надевают»?

– Порнушку, что ли?

– А ты уже смотрела когда-нибудь?

– Да, нашла один раз у отца. Включила, а там такое! – у Оксаны заблестели глаза.

Теперь во время встреч они курили травку и повторяли экранное действие.

Наступила весна. Богдан, как и прежде, по-своему ценил Оксану: не позволял другим парням приближаться к ней и, в отличие от остальных девушек фототеки, заниматься сексом с клиентами. Да, ей было отведено особое место. Она привыкла к этому, и даже, втайне гордилась.

Тем удивительнее стало для нее, что однажды Богдан, задумчиво разглядывая трещинки на потолке, произнес:

– Оксана, тебе надо выйти замуж за Кирилла.

Сначала она подумала, что это шутка; но раньше ей уже приходилось видеть холодный блеск в его глазах, поэтому стало понятно, что тут шутками и не пахнет. Богдан, как никто другой, умел быть жестким, циничным, безапелляционным.

– Хорошо, – осторожно согласилась она, покусывая губку, – только как же я пойду за него, я же не девочка...

– А ты не спи с ним до свадьбы.

– А потом что?

– А потом, суп с котом!.. Не дрейфь! Дам я тебе адресочек, заштопают перед свадьбой, пойдешь, как новенькая!

– Ты серьезно?

– Серьезней некуда, рыба моя!

– Я тебе надоела?

– Не начинай бабских разборок! Терпеть не могу!

Оксана молчала. Богдан прервал затянувшуюся тишину:

– Ты должна узнать все о его делах. Он давно на тебя запал.

– А, может, другую к нему отправишь?

– Мог бы, отправил! Ты что, замуж не хочешь?

– Я с ним спать не хочу.

– Подумаешь! С тебя не убудет. Ты меня уже так загоняла! Помощник – явно будет не лишним, – и Богдан заржал.

– Хорошо, – неожиданно твердо сказала Оксана, – но у меня будет условие.

– Какое?

– Ты отдашь мои фотографии.

Богдан подумал, а затем протянул:

– Да, забирай!

– Ты серьезно?

– Конечно. Вот и посмотрим, из-за чего ты сюда бегала, может, только из-за фотографий?

– Нет, не только.

Богдан впился в нее глазами и ждал признания в любви. Но его не последовало. Как была, нагая, Оксана подошла к небольшому шкафчику и вопросительно посмотрела на парня.

– Ключ?

Богдан достал ключ из кармана джинсов и бросил ей. Девушка открыла шкаф, достала обувную коробку, где хранилась фототека, выбрала свои фотографии, аккуратно сложила остальные, замкнула замочек и вернула ключ.

– Зажигалка на кухне?

Не дожидаясь ответа, пошла на кухню, взяла пустое жестяное ведро, сложила фото домиком и подожгла. Оксана думала, что теперь она свободна, что больше ей не грозит разоблачение, позор, что теперь она может одеться и уйти отсюда навсегда. Немного защемило сердце: еще два месяца назад она была чистой и была незнакома с этой стороной жизни, можно сказать, с изнанкой. Хотя, безусловно, ей повезло куда больше, чем другим из той самой фототеки. «Овцы потому что!», – неожиданно зло подумала она и вернулась в спальню.

Богдан все так же, испытывающее смотрел на нее.

– Завтра придешь?

– Конечно.

– По первому зову?

– Конечно.

– И все будет по-прежнему?

– Конечно.

Понемногу холодный блеск стал уходить из глаз Богдана.

Попили чай, покурили травку, поставили фильм.

Уже расставаясь, Богдан сказал:

– За что ценю тебя, за то, что ты – умная.

Она поняла эту фразу через некоторое время, когда Богдан рассказал ей, что вот так же позволил уничтожить одной курице ее фотографии, а та, глупая, стала орать на него, что она теперь свободна, и чтобы он шел в ж....

– Дура, что скажешь! Я ее отдал Пашке с Колькой и таких новых фоток наделал, что она теперь за десять процентов работает и помалкивает. Девки – дуры!

Так, Оксанка узнала, что секс-рабыни местных сутенеров все таки получают деньги за свои услуги, а ставка некоторых «особо пользующихся спросом» доходила до пятидесяти процентов. Ей же доставались небольшие подарки от Богдана, и те приходилось прятать дома подальше от любопытных глаз. Конечно, отец давал дочерям деньги на карманные расходы, но суммы были мизерными и не смогли бы объяснить появление золотого колечка или фирменного парфюмерного набора.

В школе теперь Оксана смотрела сверху вниз на своих одноклассников. Она и раньше не отличалась доброжелательностью по отношению к тем, кто был из семей победнее, одевался скромнее или был стеснительным от природы. Она привычно насмеялась над ними, могла и серьезно оскорбить. Себя же она относил к школьной элите, возле нее терлись девицы «ее круга», тем она льстила в глаза и охотно сплетничала о них же в их отсутствие. С парнями у нее ранее складывались несколько иные отношения: на них, всех без исключения, она оттачивала мастерство кокетства. Не мудрено, что парни вились вокруг нее, создавая ей ореол первой красавицы школы. С тех пор, как она пала жертвой Богдана, она почувствовала, что знает о жизни гораздо больше, чем все эти мальчики и девочки, что все они – дети по сравнению с ней. Тайная жизнь заставила ее быть сильнее, изобретательнее, умнее. Одноклассники чувствовали перемены, произошедшие в ней, но, не зная истинной причины, сами подняли ее на некий еще более высокий пьедестал. Они искали ее дружбы, даже несколько заискивали перед ней, девчонки хвалили прическу, маникюр, манеру одеваться. Только одна девушка из параллельного класса бесила ее своей независимостью. И Оксане была известна причина этого поведения.

Как-то, в очередной раз, столкнувшись с соперницей, Оксана задела ее плечиком:

– Привет! Давно хотела узнать, что это ты так заносишься? Уж я-то знаю кое-что о тебе, моя рыбонька. Так что, нос-то не задирай!

Вика окинула Оксану взглядом, и с высоты 177 см роста, взгляд ее показался особенно презрительным:

– И откуда ты получила свои сведения? Уж не Богдан ли в теплой постельке рассказывал тебе? Дура ты, Оксана, станица-то маленькая! Смотри, как бы до твоего отца слухи не докатились, а то, говорят, крут он на расправу!

Оксана от неожиданности не нашлась что ответить, она хотела поставить на место эту зазнайку, но совсем не думала, что Вика может что-нибудь знать о ее собственной тайной жизни. Она резко развернулась и пошла прочь.

Дома, обдумывая события последних трех месяцев, она пришла к твердому решению: выйти замуж за Кирилла, – тем более, что проблема с потерянной девственностью, как оказалось, была решаемой. «Убью двух зайцев», – думала она, – «тем более, что один из зайцев, сам этого хочет. А другой, если приложить ум и усилия, никуда не денется. Как ни крути, а Кирилл – жених завидный». И она взялась за дело всерьез.

Страсть вторая (также станичная)

Если бы Кирилл знал, что на него объявлена охота! Его обложили по всем правилам, но он еще ничего не подозревал. Слава первой красавицы школы, а также отточенное умение кокетничать, сделали его легкой добычей для Оксаниных коготков. А, кроме того, это здесь в станице, парень был на виду. Но он уже полгода жил в студенческом общежитии, без папиного прикрытия, среди разбитных шустрых парней и несколько растерял уверенность в себе. В присутствии незнакомых девчонок он вовсе становился немногословным, и даже внешние данные не могли поправить положение: его считали тюфяком и не воспринимали всерьез.

Поэтому, когда по выходным Оксана стала попадаться ему на глаза то тут, то там, при этом, оказывая ему прозрачные знаки внимания, он быстро сдался. Подступающая весна и гормоны довершили дело. И крепость пала! Причем, настолько быстро, что девушку это даже несколько разочаровало.

Теперь по выходным они встречались. Ходили в обнимку по асфальтовым тротуарам станицы, целовались в сумерках. Кирилл приглашал в кино, в кафе, клуб, часто дарил цветы. Но для Оксаны встречи были пресными: не было привычной для нее радости физических наслаждений, не было травки; и разжигающих кровь фильмов, под которые она продолжала практиковаться с Богданом, тоже не было. Кирилл трепетал от объятий и поцелуев, она же снисходительно позволяла ласкать и любить себя. А то, что парень был влюблен, в этом она уже не сомневалась. От ее холодности, он еще больше терял голову. Поэтому, когда она заговорила о том, что неплохо бы им пожениться, как только ей исполнится восемнадцать, Кирилл воспринял эту идею с жаром, как свою собственную.

Кажется, Оксана исполняла все, что хотел Богдан: дело с женитьбой продвигалось, но парень был недоволен:

– А не увлеклась ли ты? Что-то толку от тебя, Мата Хари, пока немного.

– Уж не ревнуешь ли ты, Богдан?

– Ты что, дура? Я для чего тебя туда посылал? Чтобы ты о делах его узнала! А что тебе удалось узнать?

– Да, нет у него никаких дел...

– Это я уже понял. Значит, надо узнать все о связях его отца.

– Ну, подожди, войду в их дом, сблизюсь с родителями и узнаю.

Оксана замялась.

– Богдан, ты мне деньги обещал и адрес... где, ну, оперируют, чтобы девственность восстановить.

– Что, не терпится в постельку с Кирюшкой прыгнуть?

– Я не собираюсь спать с ним до свадьбы. Но я должна быть уверена, что к этому дню у меня все будет в порядке, – твердо закончила она, глядя Богдану прямо в глаза.

– Ну, ты ж понимаешь, что тогда путь сюда тебе будет отрезан до самой свадьбы. А вот после: у жены – ножки, у мужа – рожки. Или ты хочешь закончить наши отношения а-ля романтик?

– Нет, не хочу. Просто мне надо заранее иметь деньги и адрес на руках. Чтобы в любой момент воспользоваться.

– Ну что ж, держи!

Богдан достал ключ из кармана джинсов, открыл все тот же шкафчик, кинул ей пятьсот долларов и нацарапал на листке бумаги телефон. Телефон оказался не городской.

– Так, это что же, у нас делают?

– Нет, в Пластуновской, надумалось смотаться, Витька тебя подбросит.

– Спасибо.

– Да, не за что, пользуйся моей добротой. Я своих телок не обижаю. Кому деньги помогаю зарабатывать, а кого – замуж выдаю, как тебя. Кстати, больше трех сотен за операцию не давай: двести пятьдесят хирургу и пятьдесят анестезиологу. Вот тебе еще деревянные, их будешь давать медсестрам и нянькам.

– Так тут еще двести долларов остается.

– Сто на всякий случай, вдруг наш эскулап цену заломит, ну, а сто тебе – за моральный ущерб, так сказать.

– Понятно.

С некоторых пор Богдан стал задумываться на тот счет, что место работы отца может измениться. Конечно, родственные и прочие связи останутся, но кто знает, как поведут себя все эти люди, когда отец перестанет быть во главе администрации? Явно, что он уже не сможет прикрывать криминальную составляющую дел сына. Значит, надо переходить на легальный бизнес. А какой? Конечно, торговля. Но с продуктами связываться не хотелось: сроки годности, различные проверки, всех надо кормить, и крышу тоже. В городе проще: продаешь себе стройматериалы и всегда есть спрос. А в станице остается только один вид доходной и менее хлопотной торговли – одежда и обувь. И вот тут-то возникала проблема в виде отца Кирилла. Денис Олегович – конкурент серьезный. Его бизнес начал развиваться сразу в начале девяностых. Все было схвачено: дешевый опт, выгодное месторасположение точек реализации, специально прикормленные люди. При этом, его торговая сеть охватывала многие станицы и понемногу распространялась на новые рынки сбыта в соседней Ростовской области. Богдану хотелось найти уязвимые места потенциального конкурента. Он намеревался действовать через сына. Сведения, добытые Оксаной, были по своему, ценными: не стоило терять время и усилия на Кирилла. Пока он вне отцовских дел. Ну что ж, отрицательный результат – тоже результат. Может, потом, когда Оксана войдет в семью и заслужит доверие отца парня, он посвятит в свои дела такую способную и симпатичную невестку. Кто знает? – Может, еще и свекра охмурит. Бывает, что седина в бороду...

А Оксана почувствовала себя невестой. Мысленно, девушка уже выбирала свадебный наряд, думала, где они станут справлять свадьбу, регистрироваться им в городе или в станице, кого приглашать на торжество? И, конечно, обязательно должен быть белый лимузин!

Дома и в школе она всячески подчеркивала, что встречается с Кириллом и намекала, что отношения у него самые серьезные. Девчонки отчаянно завидовали ей! И только Вика из параллельного класса, по-прежнему, презрительно усмехалась. «Как бы ни отомстила!», – всерьез опасалась Оксана, – «не выболтала бы все Кириллу. Хотя, какие у нее доказательства?» – успокаивала она себя.

Наконец-то, она смогла не скрывая, носить золотое колечко, пользоваться дорогой парфюмерной водой, выдавая дома подношения Богдана за подарки, полученные от Кирилла. Сестры и отец были польщены, что станут родственниками местного торгового воротилы. Зато мать пыталась поговорить со старшей дочерью на тему: любит ли та своего избранника. Оксана с удивлением посмотрела на эту тихую, рано постаревшую женщину:

– Мама, вы-то, наверное, по любви с отцом женились?

– Конечно.

– И что тебе лично дала такая жизнь? Он о тебя ноги вытирает, а ты терпишь.

Мать отшатнулась, как от удара. Молча, развернулась и вышла из комнаты дочери.

Через некоторое время, отец стал спрашивать, почему же Кирилл не засылает сватов, как положено? Время шло, а парень до сих пор не попросил у него руки дочери. Пора было определяться с датой, чтобы начать подготовку к свадьбе и вплотную заняться приданым. Но на

все вопросы девушки, Кирилл отмалчивался. А через месяц исчез вовсе, перестал появляться в станице, на звонки не отвечал.

Оксана занервничала не на шутку. Срывалось дело всей ее жизни – удачное замужество! Тем более, что она уже успела растрезвонить всей станице, что свадьба будет вот-вот. Ее спрашивали везде: дома, в школе, соседи, когда же, когда ждать грандиозного торжества с белым лимузином? Так как она стала избегать вопросов, связанных с замужеством, все сразу заподозрили неладное: станичные решили, что она просто не желает видеть именно их на торжестве и обиделись всерьез. Некоторые из соседей перестали здороваться. Родителей донимали расспросами родственники, чем они так не угодили, что им не присылают приглашения на свадьбу? Наконец, однажды вечером, отец приказал ей задержаться после ужина для разговора. У девушки от предчувствия упало сердце. Она сидела на стуле, устремив глаза на клеенку в золотистых розочках, покрывающую обеденный стол. Мать, стоя к ней спиной у мойки, перемывала посуду после ужина.

– Мать, – сказал Игорь, – присядь-ка с нами.

Светлана послушно вытерла руки и села на диванчик кухонного уголка.

– Ну что, доченька, чем обрадуешь? Когда свадьба? Куда Кирилл пропал?

– Я не знаю, – еле сдерживая слезы, отвечала Оксана.

– А кто знает? Вы поссорились?

– Нет, мы не ссорились.

Светлана робко попыталась вмешаться в разговор.

– Игорь, видишь, на ней лица нет. Пожалей ты ее!

– Пожалеть?! – загремел на весь дом Игорь. – Пожалеть, говоришь? А кто теперь нас пожалеет? – продолжал яриться он. – В станице прохода нет! Достали расспросами! А что я скажу им? Что скажу? Что моя дочь просто натрепалась всем? Что я – дурак? Поверил своей вертихвостке? Да, меня и тебя, жена, а главное, ее сестер теперь с грязью смешают! Ты о сестрах подумала, когда всем свистела, что свадьба скоро?

Оксана разрыдалась. Отца ее слезы не тронули. Еще полчаса он орал о том, как теперь все окружающие будут злорадствовать, а особенно троюродный его брат Николай – человек непутевый, но завистливый. Впрочем, в станице все, без исключения завистливы, и порадуются их позору.

– В общем так, ищи своего жениха, где хочешь! Выясняй! И чтобы в эти же выходные он явился сюда со сватами, иначе, пеняй на себя! Я тебе устрою гулянку!

Девушка долго еще плакала в своей комнате, лежа в темноте. Она слышала, как к двери подходила мама и притворилась спящей, и только, когда мягкие тихие шаги стали удаляться, снова дала волю чувствам. Потом, мысли свернули в другое русло. Безусловно, отец, как всегда прав, пора ставить точки над «и». Если Кирилл готов жениться, то чего тянуть? А если нет... Сердце снова упало. Но она взяла себя в руки: этого просто не может быть – он ее любит, это очевидно! Она была уверена в своих чарах. А, может, действительно, с парнем что-то случилось? Может, он в больнице? А она даже не интересуется, – хороша невеста! Надо срочно встретиться с отцом Кирилла. И даже, если Кирилл еще не объявлял дома о своих чувствах к ней, просветить будущего свекра на этот счет. А, самое главное, предстать перед ним в образе заботливой любящей невесты, не находящей себе места от беспокойства за своего жениха!

Придя под утро к таким выводам, она уснула. Утром почувствовала себя бодрой и готовой к осуществлению разработанного накануне плана.

После школы она, как всегда забежала на часок к Богдану, и вдохновленная, отчасти – только что, пережитыми физическими радостями, отчасти – выкуренной травкой, двинулась к дому Кирилла. Дверь никто не открыл, хотя ей показалось, что в окне кто-то мелькнул, но тут же, скрылся за шторой. Тогда девушка пошла в универмаг, стоящий на площади в центре ста-

ницы, где располагался офис местного бизнесмена. Она спросила у продавщицы, на месте ли Денис Олегович. Судя по тому, как продавщица окинула посетительницу с головы до ног, и как она заторопилась в подсобку, слухи о возможной свадьбе докатились и сюда. Она отсутствовала минут пять, но для Оксаны эти минуты тянулись, как резиновые. Наконец, вышла другая работница, намного старше предыдущей, в дорогом брючном костюме, модного бледно-лилового цвета. Девушка знала, что это Ольга – правая рука шефа. Когда она шла вслед за твердо и быстро шагавшей Ольгой, сердце Оксаны стало биться быстро-быстро, во рту пересохло. Отрепетированная речь перед потенциальным свекром пульсировала в ее голове. «Здравствуйте, Денис Олегович», – скажет она самым задушевным тоном...

Но в распахнутой двери кабинета виднелся только пустой дорогой канцелярский стол темного дерева и такие же, кресла. Ольга указала Оксане на одно из них.

– Чай? Кофе? – заученным тоном с приклеенной улыбкой, спросила правая рука шефа. Не дожидаясь ответа, подняла трубку и произнесла:

– Ниночка, нам две чашки, лимон и сахар. И прихвати, пожалуйста, кипяток, кофе, черный и зеленый чай. Спасибо.

Помолчали. «Наверное, ждем Дениса Олеговича», – подумала Оксана, устраиваясь удобнее в широком и мягком кресле. «Скоро я стану приходить сюда часто, – пришла в ее голову самодовольная мысль, – и эта, неведомая мне Ниночка, будет скакать тут на цирлах передо мной!». В дверь постучали. Высокая голубоглазая девушка, со стянутыми в узел длинными каштановыми волосами, в коричневой мини-юбке и проглядывающим под блузкой кружевным бельем, вкатила в кабинет столик на колесиках, уставленный чашками, блюдцами, креманками, увенчанный перламутровым кофейником. Глядя на великолепии намечающегося чаепития, Оксана окончательно уверовала, что она тут посетитель не только ожидаемый, но и желанный.

Тем неожиданней стал последующий разговор, подобный по силе удара электрическому току.

Дождавшись, когда Ниночка наполнит чашки и растворится за дверью кабинета, Ольга, глядя прямо в глаза Оксане, ответила на ее мысленный вопрос.

– Нет, Денис Олегович не подойдет. Он в командировке. При этом, он только что по телефону уполномочил меня на разговор с Вами. Скажу прямо: разговор очень личный и щепетильный и, я думаю, что он будет не совсем приятным для Вас. Итак, перейдем сразу к сути дела: свадьбы между Кириллом и Вами не будет.

Не давая опомниться и вставить хотя бы слово, Ольга продолжала спокойно чеканить фразы.

– На то имеются несколько причин. Все перечислять не стану. Главное, на что я уполномочена – показать Вам вот это.

Она извлекла из ящика стола конверт и передала его девушке. Дрожащими руками, Оксана достала из конверта... фотографии! Фотографии преследовали ее. Но это были не палоридовские любительские снимки Витьки, а профессиональные цветные, на которых Оксана, абсолютно нагая, сидела верхом на таком же, абсолютно нагом Богдане. Сцена была недвусмысленная. Момент секса был запечатлен ясно и четко. Оксана оцепенела. Она не стала смотреть остальные снимки, только понимала, что имеются и другие, не менее эффектные сцены. А голос Ольги продолжал пригвозждать к позорному столбу.

– Именно по причине Вашего недостойного поведения, Денис Олегович никогда не согласится на брак между Вами и своим сыном. Я думаю, это понятно. Теперь перейдем к следующему вопросу. Вот тут немного денег, – и Ольга протянула Оксане следующий конверт. – Это своеобразные отступные. Денис Олегович дает их Вам, чтобы Вы не искали встреч с Кириллом; чтобы не вздумали мучить парня, сердце которого Вы и так разбили своей разнузданностью.

Оксана отшатнулась от второго конверта, вскочила с кресла и хотела выскочить из кабинета, но каким-то невероятным образом, Ольга оказалась проворнее, догнала ее у дверей, схватила за руку и прошипела:

– Вот что, девочка, не надо тут сцен! Бери эти грязные фотографии, деньги, и отстань от парня! Не отстанешь, пеняй на себя! Я лично пойду к твоему отцу, а потом и по всей станции с такими же снимками. Да, есть еще комплект на случай, если ты не откажешься от мысли окрутить Кирилла. Я все сказала!

Не помня себя, Оксана с пылающими щеками, под любопытствующими взглядами, выкатилась из универсама. Не чуя под собой ног, она бежала по направлению к дому. Но во время сообразив, что надо пробраться во двор незамеченной, чтобы посмотреть, что в конвертах и решить, что с ними делать, она резко развернулась и побежала на соседнюю улицу. Открыв заднюю калитку, пригнувшись, пробежала к сараю, прикрыла за собой дверь, упала на старое ободранное кресло и достала первый конверт. Он содержал восемь фотографий. Вот они с Богданом набивают самокрутки травой, на следующей – уже нагие, курят травку, а дальше фото ню в различных позах. Оксана сидела ошарашенная, раздавленная красочным компроматом; осознавая, что мечта об удачном замужестве разбилась, как хрустальная туфелька Золушки – но не той сказочной, а если бы туфелька, сделанная из хрусталя, действительно бы упала с ноги и сосчитала ступени лестницы дворца... Потом девушку охватила ярость: ну, она им покажет! – Эта заносчивая Ольга в пыли будет валяться! И папашка этого тюфяка, который не смог отстоять свои права! – Папашка сам может стать жертвой компромата – наверняка, спит с этой Ниночкой. И его можно подловить! Надо срочно бежать к Богдану, все рассказать ему, а уж он-то придумает, как отомстить за нее. В последний момент, она открыла второй конверт, из которого выглядывали зеленые сто долларовые банкноты. Пересчитала: их было пять купюр, т.е. пятьсот долларов, – как будто и тут подсмотрели, сколько ей давал Богдан! Сунув деньги в свой давнишний тайник из железной чайной банки, она кинулась к дому Богдана.

На стук долго не открывали. Наконец, замок в двери щелкнул, и распаренный Богдан в расстегнутой клетчатой рубашке, приоткрыл дверь.

– Что надо? – нелюбезно осведомился он.

– Поговорить. Срочно!

– Ну, заходи, – неохотно предложил тот.

Пока она разувалась и снимала пальто, парень подошел к двери своей комнаты и плотно ее прикрыл. Оксане жестом указал путь на кухню, прикрыв за ней и эту дверь.

– Ты не один?

– А тебе какое дело? – грубо оборвал он. – Ну, выкладывай, что за спешка?

Оксана сбивчиво описала пережитое.

– Хреново, – хмыкнул Богдан. – Сорвалось дельце-то.

– А мне-то, что теперь делать? Отец меня убьет. В станции проходу не будет!

– В этом, рыба моя, ты сама виновата, не хрен было раньше времени трепаться! Дохваталась?

– Придумай что-нибудь, Богданчик, – простонала Оксана, – надави на этого Дениса Олеговича!

– С дуба рухнула? Как я на него надавлю? Наверняка, он уже Кирюшке наши фотки показал, а после этого, рыба моя, надо быть совсем уж дураком, чтобы на тебе жениться!

Аргумент был убийственный. Делать нечего, Оксана поплелась к выходу. Обуваясь в коридоре, она почувствовала знакомый запах духов – такими духами пользовалась ненавистная ей Вика. Внимательней присмотревшись к обувной полке, увидела полусапожки соперницы. Да, постель Богдана в данный момент грела именно Вика!

«Что делать? Что теперь делать?», – билась в голове навязчивая мысль, – «Как объяснить отцу, по какой причине не будет свадьбы?». Идей не было никаких, а, тем не менее, дорога вела все ближе к дому. И в этот критический момент пришла спасительная мысль: надо бросить на амбразуру мать. Только надо разжалобить ее, сказать, что Кирилл изменил своей невесте, оставил ее ради городской сокурсницы. Тогда мама сама расскажет Игорю, вызовет праведный гнев по отношению к непорядочному жениху. Вдохновленная новой идеей, Оксана устремилась к дому.

Придав своему лицу детское обиженное выражение, Оксана с порога кинулась к матери, стоявшей перед столом и шинковавшей капусту на борщ.

– Мама, мамочка, – зарыдала она, – меня Кирилл бросил!

– Как же так, доченька? – спросила мама, опуская нож, и принимая на свою грудь плачущую дочь. Потом она, поглаживая по спине свою кровиночку, повела ее в комнату к дивану. Усадила и, продолжая успокаивающе поглаживать, приговаривала:

– Ну, успокойся, моя хорошая! Может, это неправда? Злые люди наговорили, а ты и поверила?

– Нет, мамочка, он сам мне по телефону сегодня сказал. Я дозвонилась в общежитие. Сначала он отнекивался, говорил, что разговор нетелефонный, что он придет в субботу и все объяснит. Но, я как чувствовала – хотела, чтобы все было ясно прямо сейчас. Тогда он сказал, что перезвонит в офис отца через полчаса, я побежала туда, а там, а там... – и Оксана зарыдала еще громче.

В общем-то, играть отчаянье ей не пришлось. Все страхи, неожиданная развязка затянувшейся ситуации с замужеством, связь Богдана с Викой, пережитый позор состоявшегося разговора с Ольгой, сцены, запечатленные на фотографиях, опасность разоблачения, – все это вылилось в искренних слезах. Рыдания на груди матери принесли ей облегчение.

– Что же теперь будет, мамочка? Как я отцу скажу? А что теперь в станице будут говорить о нас?

– Ни о чем не волнуйся, донечка моя, – ласково, по-украински, заворковала Светлана. – Коханая моя, – продолжала она, – я сама с отцом поговорю. А станица? Что ж, станица? Переживем. Поговорят-поговорят, да забудут. Новые темы для разговора найдутся. И неожиданно спросила:

– А ты, часом, ребеночка не ждешь? Не беременна?

Оксана отрицательно покачала головой:

– Что ты, мама, мы только целовались.

– Вот и хорошо.

Когда после ужина в спальне, Светлана начала разговор с мужем о нелегкой ситуации, в которую попала ее дочь и вся семья, Игорь стал чернее тучи.

– Как так, жениться не хочет? Погулял, значит, с девкой, и все что ли? Нет, это ему с рук так не сойдет! Я не позволю ему обойтись с нашей семьей подобным образом! Завтра же пойду к Денису, пусть женит сына!

– Постой, Игорь, не горячись! Ну, и что это будет за семья, если он ее разлюбил?

– Пусть женится, а потом, когда разговоры утихнут, могут и разводиться!

– Игорь, зачем же девочке нашей жизнь ломать? Она теперь и смотреть на него не хочет, раз он ей еще до свадьбы изменил! А если она после свадьбы забеременеет от него, и куда потом, с ребеночком-то и с мужем, который ее не любит?

– О чем ты говоришь? Какая любовь? Будет жить, как все. Зато в обеспеченной семье!

– И как она будет жить, Игорь? – тихо спросила Светлана, – Хочешь сказать, что будет жить, как живу я: с мужем, который будет смотреть сквозь нее... С мужем, который не любит...

В обеспеченной семье? А ты спроси, принесет ли это счастье? А не лучше ли, сейчас ей пережить его измену, а нам поддержать ее, чтобы потом, она могла еще встретить свое счастье.

Игорь осекся, не зная, что возразить. Он всегда трусил, когда жена напрямую говорила ему, что он ее не любит. Чего доброго, начнет ему всех любовниц припоминать.

Так буря пронеслась над Оксаниной головой, не задев ее. И девушка, почти уверовав в выдвинутую ею же версию разрыва, сама раззвонила по всей станице, что Кирилл нашел в городе другую. Она так вошла в образ, так умело разыгрывала из себя жертву, что самые злые языки, сначала позлорадствовав на всю катушку, наконец, успокоились и претензий к семейству больше не имели.

Зато, когда слухи докатились до отца парня, тот был немало удивлен. «Ну и ну», – покрутил головой Денис Олегович, – «вот это девица! Выкрутится из любого положения!»

Когда он впервые увидел сына, шедшего в обнимку в сумерках со старшей дочкой Гнильчуков (да, да, у «князя» Игоря была такая специфическая, и многоговорящая фамилия – Гнильчук!), его охватили неприятные предчувствия. Кирилл не делился с отцом, но выглядел таким счастливым, что язык не повернулся хаять семейство и девушку. Денис Олегович любил единственного сына. Он пока не посвящал его в дела бизнеса, так как решил, что в настоящее время для сына важнее всего получить хорошее образование. Поэтому, оплатил обучение в престижном краевом университете и устроил его в лучшую комнату общежития. Сначала была мысль снять ему квартиру в Краснодаре рядом с ВУЗом, но потом он подумал, что для сына будет лучше набраться решительности и бесшабашности от сокурсников. Денис Олегович был бы не против того, чтобы Кирилл начал встречаться с девушкой, но... Оксана Гнильчук! – это уж слишком! Самодовольная, наглая, размалеванная кукла! Ну, нет! Кроме того, он не понаслышке знал о методах ведения сельхоз бизнеса Игоря – отца Оксаны. Скольким людям Игорь не заплатил за работу! С какой легкостью он раздавал обещания, которые и не собирался выполнять! А кредиторы? Старший Гнильчук брал займы деньги под проценты, а потом бегал от людей, отнекиваясь, обещая отдать со дня на день. Через некоторое время, с Игорем Гнильчуком никто в станице не хотел связываться. Тогда тот стал заманивать на свои поля людей, ищущих любого заработка, из других станиц, куда еще не докатилась недобрая слава о нем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.